

УДК 130.2

Мешков В. М.

СВОЕОБРАЗИЕ ЗОРОАСТРИЙСКОЙ МИСТИКИ

У статті в ході аналізу особливостей зороастрійської метафізики світобудови і антропології розкрито своєрідність зороастрійської містики. Автор намагався показати, що Заратуштра був першим в історії світової культури, хто своєю проповідницькою діяльністю здійснив духовний прорив, суть якого виражається у відкритті суто духовної метафізичної реальності Духа розуму, бога Ахура-Мазди.

Ключові слова: метафізика, містика, Дух розуму.

In the article are studied the peculiarities of the Zoroastrian Mystics, in course of analysis of the Metaphysics of Universe and the Anthropology. The author made effort to show that, in the World's history of culture, Zaratushtra had been the first, who in his preaching activity made a spiritual break: discovered the pure spiritual, metaphysical reality of the Spirit-Mind of god Ahura Mazda.

Key words: Metaphysics, Mystics, the Spirit-Mind.

Актуальность темы обусловлена необходимостью пересмотра роли зороастризма и персидской культуры в истории мирового культурно-исторического процесса. В настоящее время становится очевидным, что Персия до завоевания Александром Македонским не была примитивным, варварским государством. Высокий потенциал духовности персидского жизненного мира задавался зороастризмом. **Цель статьи** выражается в выявлении особенностей зороастрийской мистики, метафизики в целом.

Зороастрийская метафизика

До Заратуштры ментальное пространство персидской культуры существенно не отличалось от ментальных пространств иных народов. Оно было натуралистическим. Это означает, что все без исключения представления, ценностно-мыслительные ориентации не выходили за горизонт материального мира. На этой натуралистической ступени развития человечества не существовало представлений о Боге, разуме, добре как явлениях духовного порядка, потому что в натуралистическом жизненном мире не было места для духовной реальности. Это обстоятельство четко просматривается в мифологиях, которые выполняли функцию основания натуралистического мировосприятия. Заботы богов (собственные и связанные с опекой людей) также не выходили за горизонт натуралистического мира. Разум и добродетель богов были натуралистически насыщенными. Так, если мы обратимся к «Илиаде» Гомера, то увидим, что разум, справедливость, добродетель древнегреческих богов были не абсолютны, а весьма относительны, привязаны к конкретным ситуациям социального бытия и отдельным героям. По отношению к другим же героям эти же действия богов проявлялись как хитрость, коварство, мстительность, жестокость. Таким же характеристиками обладает божественная

реальность в наиболее древних текстах «Вед» и «Ветхого Завета».

Проповедь Заратуштры прорвала горизонт натуралистического бытия и открыла иное, чисто духовное измерение жизненного мира. Впервые в мировой истории Божественная реальность открылась как трансцендентное, безличностное бытие Разума, творца всего благого. Если в натуралистических мифологиях боги были носителями натуралистических качеств в предельной (чаще всего бесконечной) степени (физической силы, эроса, способности зрения, слуха, чревоугодия), то бог Ахура-Мазда был носителем предельной чисто духовной реальности.

Ахура-Мазда как чистый Разум не был гегелевским, рациональным бытием Абсолютного Духа. Атрибуты разума и добродетели в Нем находились в неразрывном единстве. В зороастрийском тексте «Суждения Духа разума» на вопрос мудреца «Что лучше – разум или добродетель?» Дух разума (Ахура-Мазда) отвечает: «Разум, в котором нет доброты, не следует считать разумом [1, с. 92] Как трансцендентная онтологическая реальность, Ахура-Мазда есть свет не чувственно воспринимаемый, а духовный, созерцаемый духовным зрением. В другом важнейшем сочинении пехлевийской литературы «Бундахишн» мы читаем: «Ормазд всегда был высочайшим по всеведению, добродетели и светлости. Область света – место Ормазда, которое он называет „бесконечным светом“, а всеведение и добродетель – постоянные свойства Ормазда» [1, с. 265].

В зороастрийском вероучении мы впервые обнаруживаем метафизическое пространство, разумно-добродетельное по своей природе. В мифологиях доосевого времени нет метафизики не только потому, что еще не существовало теоретического описания божественной реальности (ибо не было философии), но и потому, что эта реальность мыслилась натуралистически, неметафизически. Греческие, египетские, индуистские боги обитают на небе, и на земле (например, на горе Олимп), и под землей. Однако эти места их расположения находятся в том же «евклидовом пространстве». Боги «живут» в той же системе координат, что и люди. В брахманизме дозороастрийского периода представления о богах также отягощены натуралистическими пережитками. В этот период в иудейской ментальности также отсутствуют представления о Боге как чисто духовной, трансцендентальной реальности. Так, природа души мыслилась натуралистически, неразрывно связывалась с кровью. Бог не призывает иудеев к духовному деланию. Он в своих запретах стремится ограничить разгул чувственных страстей. В глазах верующих иудеев Он предстает не как трансцендентная чисто духовная реальность, а как надличностный закон Силы, нарушение которого чревато большими неприятностями.

Новым в зороастрийском отношении к Богу было непрерывное стремление к нравственному самосовершенствованию как к средству устойчивого поддержания с Ним связи, как к средству спасения. Это нравственное отношение с Богом впоследствии станет определяющим в мировых религиях. А разработанная концепция спасения как пути души в загробном, существенно ином метафизическом пространстве станет центральным в вероучении наиболее развитых религий.

Зороастрийская мистика мироздания

Ахура-Мазда создал мир согласно своему провидению. Как известно, в

зороастрийской традиции творение происходило в две фазы. Первоначально Он создал совершенный мир виртуально, а затем материализовал его. Отношение первого благого творения ко второму есть отношение существенного мира к явленному. Не отсюда ли вышел Платон со своим учением о мире идей и мире вещей? Затем вторжение Злого духа (Ангры-Майнью) частично порушило созданный Ахурой-Маздой благостный мир. Мистическое отношение зороастрийца к миру выражается в видении во всем благом сотворенном самого Творца.

Для зороастрийца-земледельца (в те далекие времена зороастризм распространялся преимущественно среди персов-земледельцев) особенно значимы были стихии *земли*, плодородной, благоустроенной; *воды*, чистой, питающей все благое; *огня*, таинственного, трепещущего, очищающего, согревающего и вместе с тем опасного; *металла*, возникающего в процессе синтеза стихий земли, огня и воды и поэтому острого как огонь, твердого как камень, ставшего универсальным средством для благой деятельности; *растительного мира*, буйного, плодоносного, несущего тень и прохладу; и *скота*, тучного, дородного, умного, благоносного. Каждую стихию не столько контролируют внешние силы, сколько являются их внутренним существенным принципом шесть Амэша Спента («Бессмертные Святые»): Спента Армаити («Святое Благочестие») – покровитель земли; Хаурватат («Целостность») – покровитель вод; Аша Вахишта («Лучшая Истина») – покровитель огня; Амеретат («Бессмертие») – покровитель растений; Хшатра Ваирья («Избранная Власть») – покровитель металлов и Воху Мана («Благая Мысль») – покровитель скота. Они не являлись богами, подобными богам традиционной натуралистической мифологии. Они есть воплощение Духа разума в мире вещей, основные формы его проявления как субстанционального и сущностного принципа.

Абсолютный, вневременный, целостный характер этой реальности утверждается в «Суждениях»: «Творец Ормазд создал творения, создания, амахраспандов и Дух разума из своего собственного света и с благословения безграничного времени, потому что безграничное время – нестареющее, бессмертное, безболезненное, нечувствительное, нетленное, неуязвимое, навсегда и навечно, и никто не может схватить его и ослабить его власть» [1, с. 90]. Поэтому их имена указывают, что они выражают воплощение фундаментальной духовной реальности в стихиях как благих основаниях мироздания (мысли, благочестия, истины, бессмертия, святости и власти).

Эта реальность носит онтологический характер. Она непосредственно воздействует на благочестивого верующего. «Человек должен как можно чаще ходить в храм огней, – сообщается в „Шаяст-на-шаяст“, – и почтительно молиться огню, потому что каждый день *амахраспанды* трижды собираются в храме огней и оставляют там добродетель и праведность, и тот, кто чаще ходит туда и больше почтительно молится огню, тот тем самым больше обретает добродетели и праведности, которые там оставлены. И еще (сказано), что сущность разума такова, что он подобен огню, так как в этом мире нет дела, подобного тому, что делается разумно; и также огонь, который кто-то зажигает, (человек) видит издали, и (огонь) выявляет спасенных и осужденных» [1, с. 312–313].

Эти метафизические представления порождают не только отношение

благоговения к этим стихиям как осям координат жизненного мира персозороастрийца, но и постоянно активируют стремление и деятельности по их благоустройству, совершенствованию, в то же время не допускают их осквернения.

Как и в других религиях, в зороастризме вода обладает великой очищающей силой. В чистой воде оказывают священное воздействие Ахура-Мазда и Хаурватат. Согласно «Шайаст-на-шаяст», следует благоговеть, беречь каждую каплю воды, каждое растение и все зороастрийские стихии: «Что бы ни произошло и что бы ни было, пусть он ублажает воду и растения и пусть берет (вадж), когда он вкушает воду или растения. Пусть он не хватает их подобно вору и насильнику, и пусть не ходит с грехами („греховно“) по земле, и не бросает в воду экскременты, трупы и другие нечистоты. Пусть он не ломает противозаконно растения и не дает фрукты нечестивым и злодеям, так как если он грешит против воды и растений, даже если он сделал это против одной веточки, то, если он не искупил эту вину, то, когда он уйдет из этого мира, духи всех растений поднимутся перед этим человеком и не позволят ему войти в рай. А если он согрешил против воды, даже если он сделал это против одной капли, и не искупил (эту вину), даже эта капля поднимется так высоко, как поднялись растения, и не позволит ему (войти) в рай» [1, с. 317–318]. Как известно, для индуизма, джайнизма и буддизма также характерно благоговейное отношение к живым существам («Не убивать живого существа!»). Подобного рода отношение имеет источником родовое мышление. Представитель индийской культуры в живом существе видит возможного своего предка, родственника или близкого человека. Зороастрийское представление глубже. Зороастриец видит в зороастрийских стихиях сияние фундаментальной, чисто духовной, разумно-добродетельной божественной реальности.

Для зороастрийца разум как субстанциональная реальность непосредственно проявляется в стихии огня. «Сущность разума такова, что он подобен огню, так как в этом мире нет дела, подобного тому, что делается разумно; и также огонь, который кто-то зажигает, (человек) видит издали, и (огонь) выявляет спасенных и осужденных. Тот, кто спасен огнем, спасен навсегда, а осужден огнем, осужден навсегда» [1, с. 313]. О мистическом значении огня в религии огнепоклонников написано достаточно много. Поэтому мы ограничимся лишь замечанием о Гераклите. В учении Гераклита об огне как архэ и Логосе влияние зороастризма слишком очевидно. Согласно кодексу научной чести, Гераклит, проживая на территории Персидской империи, мог бы хотя бы намекнуть на зороастрийский источник этих сильных идей.

Средоточие зороастрийского метафизического пространства составляет субпространство рая. Это обитель Бога, сверхчистое разумно-добродетельное бытие. Субпространство имеет иерархическую структуру. Следует подчеркнуть, что зороастрийский рай представляет собой воплощение чистоты духа, в котором пребывает Дух разума, амахраспанды («Бессмертные святые») и души праведников. Своеобразие этой онтологической реальности добавляет благоухание райского ветерка. Согласно «Суждениям», когда душа праведника поднимается выше и выше, «то ей встречается ароматный ветер, который ароматнее всех ароматов» [1, с. 85].

Диаметрально противоположной онтологической реальностью в зороастризме является ад. Пространство ада находится в центре Земли. «Ад находится в центре земли, там, где Злой дух просверлил землю и свалился в нее» [1, с. 271].

В зороастрийской концепции мироздания Амэша Спэнта по своей природе существенно отличаются от анимистических богов традиционной мифологии. Они являются носителями, формами проявления единой трансцендентальной реальности Ахура-Мазды. Это обстоятельство освящает основные жизненные стихии в экзистенциальном пространстве зороастрийца, формирует метафизическую проекцию в тайну мироздания, порождает ощущение присутствия здесь и сейчас сокровенного бытия.

Зороастрийская антропология

Какова система координат внутреннего мира зороастрийца? Очевидно, что важнейшими ее осями являются разум и добродетель. Как сущностные, субстанциональные принципы макрокосма, они становятся таковыми в его подсистеме микрокосме, в душе человека. В «Суждениях» читаем: «Тот, кто (является) творцом всего благого, создал творения разумом, и его поддержка незримых перемен – от разума, целостную („невредимую”) и нетленную вечность и самое важное („полезное”) – бессмертие – приобретают посредством разума» [1, с. 79]. «В Авесте: „Самое лучшее – разум, так как землю можно обустроить разумом и небо можно подчинить себе силою разума. И известно, что Ормазд создал эти земные творения (силой) врожденного разума. И земля и небо управляются разумом”. И когда он таким образом увидел большое преимущество и ценность разума, он проникся благодарностью к богу Ормазду, амахраспандам и Духу разума» [1, с. 80–81].

Стремление к чистоте помыслов, нравственной чистоте, к чистоте Духа разума с необходимостью приводит к обрушению натуралистических ценностно-мыслительных ориентаций, к разрушению натуралистического жизненного мира, осями которого являются темы «физической силы», «эроса», «наживы» («добычи»), «насилия».

В брахманистской мифологии асурами называли богов, которые были носителями темных, злых, негативных сил. Напротив, дэвы были носителями светлого, доброго, позитивного начала. Отрицание натуралистической мифологии в целом в зороастризме привело к резко негативному отношению ко всем богам индийской мифологии. Поэтому индийские дэвы превращаются в зороастрийских демонов. Аналогичную переоценку мы наблюдаем в христианской теологии. Так, Августин в своем труде «О граде Божьем» переводит греческих и римских богов со своими мелочными заботами с точки зрения христианства в ранг демонов и справедливо характеризует греческую и римскую мифологию как «религию плоти».

Дух нестяжательства и ненасилия становится важной жизненной ориентацией зороастрийца. В «Андарз-и данаг-мард» читаем: «Злобу в себе не допускай и никогда не дерись, чтобы твой враг не радовался. Не будь переменчив, не водись („сиди”) с распутницей, иначе все те грехи, что она совершает, перейдут на твою душу. Будь щедрым за счет своего имущества, а не за счет чужого, чтобы твое имущество (не

стало) приносящим благо телу из приносящего благо душе; давай (его) (людям) добрым и достойным, так как тело не вечно, а душа вечна. Старайся поступать так, (как если бы вечной была жизнь), и ешь так, как если бы завтра тебе надо было бы умереть» [1, с. 321–322]. «Хвешкарих-и-редаган»: «Никоим образом не обижайте отца и мать, не бейте сестру, брата, слугу, служанку и животных, обращайтесь с ними хорошо и достойно. Не будьте злыми, будьте добрыми и хорошими» [1, с. 322]. Согласно «Суждениям»: «Тот, кто приобрел богатство через грех и радуется ему, то эта его радость – хуже несчастья» [1, с. 97]. Таким образом, на базе разума и добродетели формируется принципиально иная система нравственных ориентаций.

В определенном смысле третьим китом зороастрийской антропологии, наряду с разумом и добродетелью, является правдивость. «Божественная вера – это праведность, а закон – правдивость», – утверждает мудрец в «Суждениях» [1, с. 80]. Согласно «Шайаст-на-шайаст»: «Самое лучшее – правдивость, самое худшее – лживость» [1, с. 314]. Почему? В соответствии с зороастрийскими представлениями мысль человека есть не только субъективная реальность. Она имеет онтологическую проекцию, непосредственно связана с субстанциональной реальностью Духом разума. Таким же образом и Слово имеет субстанционально-объективную природу. Оно есть выражение одновременно как субъективной мысли, так и является составляющей объективной, сущностной реальности Духа разума. Во времена Заратуштры в мировоззрении господствовал тотальный объективизм. Субъективная реальность не только не осознавалась, но и практически не было понятийных средств для ее выражения. В зороастризме правдивость отождествляется с истинностью. Правда есть Истина, есть состояние резонанса субъективной, которая мыслилась как объективная, и Божественной реальностями. Поэтому так греховна ложь. Она уводит человека от Бога, лишает его переживания сокровенной связи с Богом, гармонии с собой и с Богом. Поскольку Гераклит в учении о Логосе отталкивался от зороастрийских представлений о Правде и Слове, то в его идее сохранилась зороастрийская глубина представления Логоса как сущностной, субстанциональной, субъективно-объективной мыслительной реальности. Однако, как известно, гераклитовское понимание Логоса было изложено в виде нескольких афоризмов (то есть не получило концептуального развертывания и обоснования) и в таком виде заняло почетное место в истории западной философии, будучи рационалистической интерпретацией плодотворной зороастрийской идеи. Вместе с тем гераклитовский Логос был лишен зороастрийского мистицизма.

Одна из пяти заповедей Будды – не говорить неправды. Согласно буддистским представлениям, не существует Бога как объективной, фундаментальной реальности, не существует также и объективного материального мира. Поэтому требование правдивости выступает в качестве важного средства мыслительного и нравственного очищения субъективного мира человека. По нашему мнению, буддистская концепция правдивости значительно упрощает ситуацию по сравнению с зороастрийским учением. Как субъективная реальность, буддистская правда лишена глубины зороастрийского онтологизма и мистицизма. Этого нельзя сказать об индуизме. В индуизме зороастрийское учение о Правде, Истине и Слове получило дальнейшее

развитие. Они носят субъективно-объективный, глубоко сокровенный характер в диалектической взаимосвязи двух субстанциональных реальностей Брахмана и Атмана.

Зороастрийская мораль приобрела духовно-нравственную направленность, в которой смирение, благородство, справедливость и другие составляют основные ориентиры зороастрийского жизненного мира.

Как известно, своеобразие зороастрийской мистики и морали выражается в учении о чистоте, согласно которой непременным требованием для верующего является стремление к максимальной чистоте души и тела, всячески избегать осквернения от Злого духа. «Соблюдение ритуальной чистоты, – пишет В. Ю. Крюкова, – играет в зороастризме первостепенную роль. Так, не совершив утреннего омовения, верующий не может приступить к молитве, а подвергнувшись наисильнейшему осквернению в древности предавали смерти. Законы чистоты восходят к основной зороастрийской концепции противопоставления двух начал – благого (Истина) и злого (Ложь), одно из которых несет гармонию и жизнь, другое – хаос и смерть» [2, с. 201]. «Зороастрийское понимание святости подразумевает аспект чистоты не только в буквальном смысле (физическое и нравственное очищение), но и как целостность, физическую полноценность, отсутствие изъянов, которые виделись отметинами демонических сил или путями их проникновения в человеческое существо... Наивысшее осквернение несет в себе смерть, и мертвое тело распространяет скверну в наибольшей степени, при том что и живой человек постоянно нуждается в возобновлении утраченной ритуальной чистоты: нечистым и „мертвым” признается любое выделение организма – экскременты, слюна, кровь и даже дыхание, а также обретенные волосы и ногти» [2, с. 206–207]. Как мы видим, тотальное стремление к духовной и телесной чистоте, к святости в зороастризме даже зашкаливает, существенно усложняет повседневную жизнь верующего.

Проведенный анализ преследовал цель показать, что ментальное пространство зороастризма в VI в. до н. э. было принципиально иного типа. Его система координат строилась исключительно на ценностях разума и добродетели как чисто духовных образованиях. Как мы видим, в зороастризме велась непрерывная борьба против натуралистического мировосприятия, идолопоклонства. «Воздерживайся от идолопоклонства и почитания дэвов», – призывает Дух разума в «Суждениях» [1, с. 83]. Поскольку все персидские источники более позднего происхождения и число их ограничено, то возникает вопрос о корректности исследования. По нашему мнению, на основе доступной нам пехлевийской литературы мы реконструировали лишь принципиальные моменты зороастрийского жизненного мира, которые в большой степени носят неисторический характер, отвлекаясь от многих важных положений этого вероучения (учение о душе, индивидуальном спасении, рае и аде, Спасителе, трех Эрах, Страшном Суде и т. п.).

Литература:

1. *Зороастрийские тексты*. – М., 1997.
2. *Крюкова В. Ю.* Зороастризм. – СПб, 2005.
3. *Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты)*. – М., 1984.